

ВЛАД ИСМАГИЛОВ

В ДРУГОМ ОКОПЕ

РАССКАЗ

Был у меня друг... Был у меня боевой товарищ Ваха Гатаев, пулемётчик, отчаянный парень, чеченец. Мы сдружились с ним после первого боевого задания, я научил его делать на турнике “выход на две”. Шёл 1987 год.

В августе 88-го мы ушли из Афгана. Прощай, Кандагар! — мы идём домой. Кушка, Перекешкюль, дембель. Прощание, объятия, адреса, слёзы...

— Увидимся, споемся, братан.

— Обязательно встретимся, братишка...

Как мы тогда во всё это верили, не зная ещё того, что нас будет ждать здесь, дома, как нас всех разведет судьба. Нам казалось, что в нашей жизни ничего плохого больше быть не может, что самое худшее мы уже прошли, и оно осталось там — в кандагарской “зелёнке”, Регистане, Кобае и Бурибанде... осталось навсегда.

Слова Вахи: “Я найду тебя, Влада, я найду тебя, братан!..” сбылись, он нашёл меня через 7 лет. Господи, зачем он родился чеченцем...

95-й год. Март. Чечня. Окрестности Шали. Мы в составе оперативной группы работаем по Масхадову. Только что вернулся с высоты Гойтенкорт, где располагался КП Трошева.

Зашёл вечером к соседям-десантникам. Капитан Володя говорит:

— Тут у нас забава одна есть — с “духами” ребятишки болтают в эфире. Пойдём, на сон грядущий потрепемся, на хрен какого-нибудь “чеха” пошлём, что ли...

ИСМАГИЛОВ Влад Газизович родился в 1968 году в г. Казани. Служил в подразделениях специального назначения в Афганистане, Чечне. Ветеран боевых действий. Ныне майор запаса. Известен как военный бард. Лауреат литературного конкурса “Золотое перо Руси” за 2010 год, нескольких литературных премий.

Соглашаюсь, идём в палатку. Там солдаты и два летуна ругались поочередно с каким-то вайнахом, и, судя по всему, обе стороны получали от этого удовольствие.

Мысли у меня были о предстоящей работе, потому я как-то быстро охладил к этой забаве и собрался было идти в расположение, как в эфире прозвучало:

— С Афгана есть кто, пацаны?

Что меня заставило подойти к рации — наверное, чутьё. Отжал тангенту:

— Я с Афгана, что дальше?

— Какие года, где служил, бача?

— Тебе что за забота такая?

— Да ты плохо не думай, я тоже там служил срочку. Кандагар.

Кандагар... И сразу ёкнуло что-то внутри.

— Я тоже, под вывод, Кандагарский батальон.

— Да ты чё?! И я...

В этот момент для меня не существовало больше ничего — ни этих людей в палатке, с интересом и удивлением слушающих наш радиообмен, ни Шали, ни Масхадова, ни Грозного, ни Чечни вообще. Я вернулся сейчас в Афган. Я сейчас был там, в Кандагаре.

— А ты с какой роты, бача? Я — Влад “Кот”, не знакомо? Наверняка пересекались где...

— Я нашёл тебя, Влада (так называл меня только один человек). Я не верю в это сам. Ваха с тобой говорит, Гатаев. Я искал тебя, братан, звонил, писал, ты куда делся?

— Да я после по службе пошёл, “чурка ты моя родная, чурбанчик дорогой”... Ваха, это правда — ты? Училище сначала, потом в Таджикистане долго был. Мать как-то говорила, что ты звонил, но никак не было возможности мне выйти на связь, поэтому не нашлись мы с тобой... А теперь вот нашлись, нашлись теперь...

Теперь, теперь, — застучало в мозг, возвращая меня к реальности. И тут Ваха задаёт вопрос, который до сих пор стоит у меня в ушах и на который я так и не нашёл ответа донныне.

— Влада, брат, а как же мы... теперь?

Не помню, сколько молчали мы оба, и все, кто был в палатке, тоже. Помню, что я сказал так:

— Слушай меня, шурави, я не знаю, как мы теперь с тобой, и вообще... Я сам не понимаю толком, что происходит, и как такое всё могло случиться, что мы так вот... по разные стороны... Но единственное, что я могу тебе сказать, бача, и в том клянусь тебе, что если мы встретимся в бою, и я узнаю тебя, я никогда не нажму на спусковой крючок. Это всё, что я могу тебе пообещать, брат. И ещё. Знаю, что ты не урод, знаю, что тяжело тебе, не бей по нашим. По возможности... Мы же наши, несмотря ни на что, бача.

— Наши, брат. Я тоже тебе в этом клянусь, Влада, а там как Аллах положит.

— Как мама, Ваха, отец как?

В ответ тишина. Исчез Ваха из эфира, исчез, как оказалось, навсегда. Я отошёл молча от рации и вышел на улицу.

А как же теперь нам? Я мысленно спрашивал себя, кричал куда-то наверх, я хотел спросить у тех, кто мог бы ответить за эту войну: как теперь нам? Зачем нас некто — Государство, не говорю Родина, это другое, некто — Государство, заставляет стрелять и убивать друг друга? Ведь мы вместе не так давно защищали и отстаивали интересы этого Государства в чужой стране. Я не хочу стрелять в Ваху, я не хочу стрелять в тех, с кем я был на грани жизни и смерти. Помню, как моя кровоточащая от касательного ранения левая рука была в Вахиной крови, когда я перебинтовывал ему голову, осколок разорвал ему правое ухо, и он, глядя, на это смешение крови, сказал мне, что мы теперь с ним кровные братья. Теперь-то нам как?

Несколько дней я был не в себе. А потом... Потом начался кошмар. Я старался идентифицировать каждую захваченную цель, я боялся, что это может оказаться Ваха. Помню момент, когда убитый мной внезапно появив-

шийся враг упал лицом в землю, а со спины так разительно напомнил Ваху... Подойдя к нему поближе, я всё боялся перевернуть его, боялся увидеть его лицо. И тут вспомнил про рваное, ещё в Афгане, Вахино правое ухо. Сдернул шапку с трупа и глянул — целое. Не он... Отлегло.

Прав ли я был как офицер, как человек, профессионально исполняющий свой долг — нет, неправ. Но как человек я был прав, и я был уверен в этой правоте. Кто меня осудит — пусть осудит, если вправе кто-то осудить. Но я точно знаю, что Ваху я не убивал. Больше никогда я его не слышал и не видел, пытался потом найти его родственников — безрезультатно. Наверное, он сгинул в этой войне, как и многие тела и души граждан единой нашей страны.

В августе 2009 года мне на электронную почту пришло письмо. Неожиданное, разбередившее во мне снова чувства тех далеких уже дней, но и успокоившее меня, поставившее точку в этом, трагичном по сути, эпизоде жизни. Обращался ко мне один чеченец, лично знавший моего Ваху. Он был тогда вместе с ним. Тогда, в марте 95-го. Был с ним и в тот момент, когда мы говорили по радию. Он написал, что сейчас служит по контракту в одной из частей МО у себя в республике и хочет сообщить мне о судьбе Вахи. Он рассказал, что Ваха погиб при артобстреле практически на следующий день после нашей “встречи” в эфире. Рассказал ещё, что Ваха часто вспоминал свою службу “за речкой”, часто говорил обо мне, о других ребятах. И что он наглухо ушёл в себя после нашего разговора. А потом внезапно и тихо погиб...

Я несколько раз перечитывал текст этого письма. Где-то в глубине души все эти годы я был уверен, что Вахи больше нет. Наверное, я этого даже хотел, как бы это ни звучало кощунственно. Не хотел я, чтобы замарался он в крови своих. Ведь знал я, что он не такой, как те выродки, что развязали эту войну. Я был уверен, что он оказался в другом окопе вынужденно, как и многие чеченцы в ту, первую, войну из-за особенностей своих родовых, тейповых отношений. Мир праху твоему, бача. Я всегда буду помнить тебя, брат, пусть за всё ответят те, кто развёл нас и многих других по разным сторонам. А они ответят, ты это знаешь лучше, чем я, потому что ты уже ТАМ...